

ОТ РЕДАКЦИИ

Магистральный сюжет этого номера — архаизация и модернизация в мировой литературе — рожден дискуссией, возникшей на очередной сессии ежегодной научной конференции о проблемах сравнительного литературоведения и перевода (ШАГИ РАНХиГС)¹.

В целом, для отечественного исследователя проблема архаизации и модернизации литературного текста восходит к статье Ю. Н. Тынянова «Архаисты и Пушкин» (1927), позднее ставшей частью знаменитого сборника «Архаисты и новаторы» (1929). Изначально В. Б. Шкловский предлагал Тынянову изменить название, поставив вместо союза тире, «что выразило бы <...> мысль еще ясней: “Архаисты — новаторы”» [Тынянов 1977: 568]. Именно эта характеристика указывала бы на важность архаики для новой эстетики, обратившейся к литературному спору столетней давности. Тынянов же, по слову Р. Якобсона, предпочел «обесцвеченное название».

В письме Шкловского Тынянову, датированном 4 марта 1929 г., звучит мысль о вневременной сущности литературы, восприятие которой подобно эффекту органа — «звук продолжается». Таким образом возникает «одновременность причин и следствия», и в этом смысле «Дон Кихот одновременно Тургеневу». Быть может, продолжает Шкловский, то, что названо в книге Тынянова архаизмом, и то, что ему противопоставлено, — «частные случаи большой соотнесенности» [Тынянов 1977: 568].

Проблема архаизации и модернизации литературного текста — оригинального и переводного — рассматривается в этом номере журнала вслед Тынянову и Шкловскому как явление жанровое и стилевое, предполагающее языковое реформирование текста с целью изменения его прагматики для описания разных форм художественного быта.

В первой части рубрики «Архаизация в мировой литературе» авторы размышляют о том, какова мера архаизации в переводе и с помощью каких языковых средств воссоздается эффект его нарочитого или невольного состаривания. Особенно важной эта проблема предстает в отношении старинных текстов, где прием архаизации двухмерен и подразумевает как лексическую, так и синтаксическую трансформацию оригинала. При этом неизбежно возникают два вопроса. Можно ли переводить тексты классических эпох стилистически нейтрально? Является ли архаизация насильственным вмешательством по отношению к языку принимающей культуры? Эту часть, озаглавленную «Архаизация и модернизация при переводе классических текстов», открывает статья **О. В. Смолицкой**, посвященная проблеме архаизации при переводе средневековых текстов. Архаизация рассматривается в данном случае как один из способов создания дистанцирующего перевода. Однако при этом важно иметь в виду разницу в специфике развития литературных языков — в Европе и в России,

¹ См. также более ранние номера журнала, в которых подробно освещена проблематика перевода: 2019 (т. 5, № 3), 2020 (т. 6, № 3), 2024 (т. 10, № 4).

а также учитывать лексическую окрашенность терминов в разные эпохи, ибо, по слову Смолицкой, «форенизация по времени может обернуться доместикацией в пространстве». Вопрос о темпоральной стилизации также поднимается в статье **В. А. Мильчиной**, где обозначается проблема дистанции между текстом оригинала и текстом перевода. Автор утверждает, что архаизация стиля в переводе французских произведений XIX в. может быть использована лишь как один из стилистических приемов, а не повсеместно, иначе текст окажется излишне состаренным и будет непонятен современному читателю. Из этого, однако, абсолютно не следует, что переводчик, придерживающийся такой позиции, потакает «усредненным читательским предпочтениям». Напротив, насилием над стилем принимающего языка явилось бы злоупотребление «словами, которые современному читателю кажутся архаизмами, но для авторов и читателей XIX в. таковыми не были». В статье **О. И. Половинкиной** проблема модернизации переводного текста рассматривается на примере английских переводов XVIII в. из Горация, утверждающих валидацию национальной традиции с позиции современности. Выбор переводческих решений при этом определяется особым подходом к оригиналу, вызванным стратегией соперничества с древними, творческим соревнованием с оригиналом.

В более широком контексте проблема «одомашнивания» оригинала исследуется в отношении переводов модернистской прозы в советскую эпоху. **М. Э. Баскина** анализирует прием насильственной доместикации прозы Джойса и Дос Пассоса в переводах И. А. Кашкина и его последователей, которые ставили своей целью «дезинфицировать» вредоносные эстетические идеи в угоду советской идеологии и пропаганде. Последовательное обеззараживание экспериментального стиля модернистов происходило за счет использования в переводе особого языка — нарочитой стилистической вневременности. Не случайны слова Кашкина о том, что советский переводчик обязан действовать в интересах своего читателя, выявляя в иностранной литературе, с чем читателя знакомить, «что — пропагандировать, а с чем бороться». **Е. И. Самородническая** рассматривает ту же эпоху, но акцент смещен на концепцию К. И. Чуковского. В фокусе исследования — противоречия во взглядах Чуковского на дореволюционные переводы английской прозы. Двойственность концепции Чуковского объясняется, по мнению автора, идеологическими причинами, связанными с формированием теории перевода в Советском Союзе, а также противопоставлением ремесленного и творческого отношения к оригиналу. Наконец, в статье **Е. М. Белавиной** проблема архаизации и модернизации текста раскрывается не через исследование лексических средств оригинала и перевода, а через соположение их ритмико-синтаксических фигур. Звуковая организация текста безусловно исторична по своей природе, и потому перевод поэтического текста предполагает трансформацию оригинала, связанную прежде всего «со звуковыми ожиданиями на основе национальной метрики». Эту идея подкрепляется в статье положениями французских и русских теоретиков перевода второй половины XX в., однако коррелирует и с идеей

Тынянова из его статьи «Архаисты и Пушкин». Звуковая историчность поэтического текста подтверждается тем, что «один тип лексики находится в соотношении, в корреляции с одним типом метрики» [Тынянов 2001: 36]. Явление литературной конвергенции вызвано «глубокой аналогией исторических причин» [Там же].

Вторая часть рубрики, «Архаизация и модернизация: закономерности литературной эволюции», посвящена проблемам архаизации и модернизации литературного процесса в его историческом развитии и основана по преимуществу на исследованиях в области русской литературы. Ее открывает статья **М. В. Черкашиной** о Гоголе для массового читателя. Автор доказывает, что в лубочных переделках гоголевских текстов используются обе стратегии одновременно — и архаизация, и модернизация. Первая связана с использованием фольклорных мотивов и метрической организацией текста, вторая проявляется в генетическом восхождении переделок к современным образцам европейской литературы. В последующих трех статьях, обращенных к авторам и концепциям конца XIX — первой половины XX в., на первый план выходит проблема модернизации. В статье **А. А. Холикова** вопрос о модернизации русской классики на рубеже XIX—XX вв. раскрывается на примере анализа лекции Д. С. Мережковского о Н. А. Некрасове. Помещая высказывание Мережковского в широкий общественно-политический и религиозный контексты, автор приходит к выводу о том, что Мережковский осовременивает творчество Некрасова. Статья **А. О. Бурцевой** посвящена литературным публикациям раннего советского периода в журнале «Туркменоведение», анализ которых позволяет реконструировать процесс формирования туркменистанских литературных групп и сделать вывод о модернизации тогдашнего литературного процесса. Рубрику завершает статья **А. К. Жолковского**, посвященная новому прочтению лингвистического эксперимента Л. В. Щербы: автор предлагает рассматривать его знаменитую фразу о «глокой куздре» как художественное высказывание.

Следующая рубрика, «Интерпретация текста», знакомит читателя с важнейшими аспектами интерпретации художественного текста; большая часть этих исследований построена на анализе западноевропейских классических произведений — от средневековых латинских сочинений до немецкого Неоренессанса. Статья **С. И. Межеричкой** посвящена пародии на библейские тексты, осуществляемой на уровне языковой игры, в латинской религиозной литературе Средних веков. **И. О. Шайтанов** и **В. К. Зубарева** обращаются к эпохе Возрождения и творчеству Шекспира — хронике «Ричард II» и ранней лирической трагедии «Ромео и Джульетта». **И. О. Шайтанов** исследует способы обновления драматической речи за счет звуковых повторов, рождающих ряд остроумных каламбуров, которые подчеркивают низвержение английского короля. В статье **В. К. Зубаревой** с опорой на труды А. Н. Веселовского на примере «Ромео и Джульетты» демонстрируется концепция «встречного течения», основанная на категории внутреннего, а не внешнего сходства. Размышляя о судьбе шекспировской пьесы, автор обращается к проблеме

синтеза искусств, привлекая в качестве материала для анализа не только текст Шекспира, но и две его знаменитые киноадаптации. В следующих статьях на первый план выходят такие категории исторической поэтики, как поэтика мотива и сюжета и история идей. **М. Л. Андреев** рассматривает феномен театра Мюссе как единый корпус мотивов и сюжетных линий, на основе анализа мотивных перекличек и сюжетных идей делая вывод о миграции мотивов, способствующей размыванию жанровых границ. В статье **А. Л. Вольского** обращение Т. Манна к Неоренессансу трактуется как поиск синтетической культуры и уяснения немецким писателем сущности искусства, его подлинности. Наконец, **К. В. Душенко** исследует мотив зеленой собаки в ряде произведений XX в. — от пьесы Михаила Кузмина на античный сюжет до современного фольклора. Статья служит своеобразным водоразделом между данной рубрикой и последующей, авторы которой обращаются к проблемам мифологии и фольклора.

Третья рубрика, «Маршруты фольклорных мотивов», объединила две статьи, посвященные распространению в мировой культуре мотивов, образов и клише фольклора, в первом случае евразийского, а во втором — индоевропейского. **Ю. Е. Березкин** рассматривает наборы мотивов мифологической прозы, героического эпоса и волшебных сказок юго-западной части Евразии в сопоставлении друг с другом и с теми, что отражены в античных источниках, и делает выводы о характере и возможных путях их распространения. **Ф. Н. Двинягин** для анализа литературной «Сказки о царе Салтане», имеющей множество параллелей в фольклоре, обращается к концепции Ж. Дюмезиля и выявляет в пушкинской сказке дюмезилевскую трифункциональность (распределение персонажей и институтов по трем функциям: верховной, воинской и материальной).

В рубрике «Vagia» вниманию читателей предлагается статья, также посвященная искусству — но не вербальному, как в основных рубриках номера, а визуальному. **И. А. Афанасьева** и **П. С. Сорокин** рассматривают основные принципы цифрового NFT-искусства прежде всего в аспекте агентности, предполагающей новые, нехарактерные для традиционного искусства пути взаимодействия художников, институций и публики (зрителей и коллекционеров).

Литература

Тынянов 1977 — Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Отв. ред.

В. А. Каверин, А. С. Мясников. М.: Наука, 1977.

Тынянов 2001 — Тынянов Ю. Н. История литературы. Критика. СПб.: Азбука-классика, 2001.

References

Tynianov, Iu. N. (1977). *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Nauka. (In Russian).

Tynianov, Iu. N. (2001). *Istoriia literatury. Kritika* [History of literature. Critics]. Azbuka-klassika. (In Russian).